

Школа, где учился Андрей Тарковский

Известия - 2001 - 7 апр. - с. 4

Улица Тарковского

Вчера в городе Юрьевце, где в детстве жил Андрей Тарковский, начались дни его памяти. С подробностями — Елена ЯКОВЛЕВА, которая побывала там накануне праздников, в обычные дни.

Этот город нельзя увидеть в фильмах Тарковского, но его можно смотреть, как фильмы Тарковского — бесконечно высокая колокольня на базарной площади, брейгелевский склон еще заснеженных гор, страшная изысканность фресок в открытом для службы соборе.

Тарковский гостил в Юрьевце летом у бабушки в 1936 году и жил здесь с матерью, сестрой и бабушкой в эвакуации в 1941—43 годах. Затем приехал в 1972 году с мыслью снимать «Зеркало».

Твой А.Т.

Музей Тарковского был закрыт на замок. Директор всех юрьевских музеев Елена Татлыева открыла его аккуратно для нас двоих. Музей хорошо оформлен и пуст. Жизненное пространство комнаты, где жили Тарковские, не восстановлено: ни лежанки возле печи, ни буфета, ни походной кровати деда Николая Матвеевича, на которой спал Андрей. В углу, правда, стояло подлинное кресло, в котором умер дед, но было оно в таком искалеченно-колченогом состоянии...

Разговор у нас не клеится. Елена Михайловна либо приносит слова явно заученного и плохо написанного текста экскурсии, либо молчит.

Лишь три осколочка жизни нашла я: перефотографированные отрывки трех писем маленького Андрея отцу на фронт. Скорее всего неопубликованные. Я села на корточки и стала их переписывать. «Милый папа! — писал Андрей 16 июля 1942 года. — Мама ходила в деревню и принесла черники, земляники. Но ягоды очень далеко, и мы туда не поедем. Бабушка разбила коленки, и Марина ставила ей компрессы. Мы сегодня собираемся в деревню Жуковку, если не будет дождя. Привет от бабушки. Целую крепко-крепко. А.Т.»

«Дорогой папа! — писал Андрей в 1943 году. — У нас все хорошо, твое письмо получил. Сегодня в школе кросс, в гор. саду. Вчера мы с военруком ходили в городской сад и стреляли из мелкокалиберной винтовки... У нас на Волге сел самолет-разведчик, мы с Мариной ходили его смотреть. Один летчик улетел на аэродром, а другой ушел в ресторан обедать... Твой А.Т.»

«Милый папа! — писал он в третьем письме. — Я умею лазать на крышу, только мама не позволяет лазать, потому что ругаются соседи... У нас все хорошо, позавчера мы ходили в кино и смотрели «Весенний поток», она очень интересная. А сегодня пойдем на «Василису Прекрасную». Я не грызу ногти, и они у меня большие».

Слезы

Закончив переписывать, я подняла взгляд на неразговорчивого директора и спросила, любит ли она Тарковского. Глаза ее наполнились слезами.

— Я ведь работала в этом музее месяцев шесть, потом меня перевели на фонды, а затем директором. У меня сегодня опять кочегары запили. А хочется никуда отсюда не уходить, заниматься только Тарковским. Я, конечно, не очень тожусь: у меня образование техническое. Но у нас в городе не найти искусствовед. У нас и историка не найти.

Последний зал мы прошли, как родные сестры. Она говорила все теми же малоинтересными словами заученной экскурсии с гремучей смесью сухой специальной лексики («вещевой материал»), общих слов («он уходит от нас, но остается в нашем сердце, пронизывает глубины души») и путаной мистики («проводник, мессия»), но в глазах стояли слезы. И это что-то меняло.

— Он заставляет приобщаться к искусству. Я чувствую вину перед самой собой: надо заняться самообразованием. Если бы у меня было больше времени! У нас последняя сотрудница ушла из музея, когда поманили чуть большей зарплатой, хотя клялась, что Тарковский для нее — все.

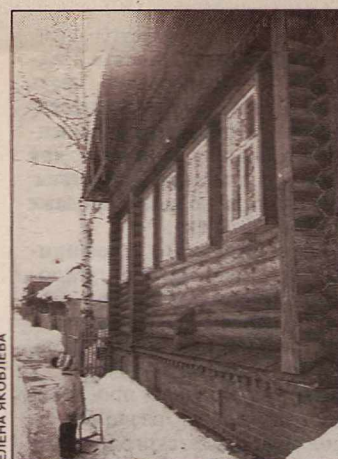
Дом, где снится Андрей

Я требую отвести меня куда-нибудь, к кому-нибудь, кто видел все фильмы Тарковского, понимает его, и кому не надо заниматься самообразованием. И вот мы сидим на кухне, где любят сидеть Марина Арсеньевна Тарковская, Маргарита Терехова, Юрий Назаров, когда приезжают в Юрьевец в гости. Пьем чай с вареньем.

— Терехову мы решили посетить в дачном домике, а она пришла и говорит: я буду жить здесь, в этом доме мне снится Андрей.

Светлана Жихарева, преподаватель детской школы искусств, похожа на героиню фильма «Тема». Умна, тонка, точна, прекрасно образованна.

Историк по образованию, она первая обнаружила, что Тарковский связан с Юрьевцем, написала письмо Тарковской. Марина Арсеньевна откликнулась, попросила разыскать директора школы военного времени, дружившую с их матерью, завязалась переписка. Светлана опубликовала первую статью в областной молодежке о юрьевском детстве Тарковского. По просьбе Марины Арсеньевны разыскала дом, в котором сейчас музей.

ЕЛЕНА ЯКОВЛЕВА

Дом, где жил будущий режиссер

Потом ее саму разыскали московские студенты, муж и жена Андрей и Кира Истратовы, носившиеся по Юрьевцу с идеей провести здесь Дни Тарковского. Газеты называли их троих «духовным триумvirатом» юрьевецкого фестиваля.

А спустя года два-три как-то все свернулось. Артисты и критики почти перестали ездить, Андрей и Кира разошлись. Дни Тарковского проходят регулярно, но все давно обрело оттенок мероприятия для галочки. Жихареву туда даже не зовут.

Музей

В письменном столе

Между тем в одном ящике письменного стола у нее я нашла больше интересного, чем во всем официальном музее Тарковского.

Она собрала изумительные документы о юрьевской школе. Похвальные грамоты, отчетные ведомости, справки, акт проверки инвентаря. Акт читается как поэма. «№ 15 Портреты в рамках. № 16 Портрет Сталина. № 17 Ведро железные. № 18 Чугуны. № 43 Рояль. № 39 Зеркало настенное. № 2 Череп человеческий». Вот документ о покупке школьникам лыж, булочек к Новому году. Вот справка, подписанная Тарковской М. И., что школа заплатила родителям за помощь в заготовке дров 9 рублей.

Светлана отыскала несколько школьных военной поры в других городах, уговорила написать о том времени. Воспоминания вышли дивные. «Мама уже везла меня в Юрьевец к бабушке, знаменитой строчее. Они квартировали на Володарского в домике бывшей монахини Марии Яковлевны Муравьевой, работавшей в то время сестрой милосердия в туберкулезном санатории». Чем не начало романа?

Я спросила у Светланы, почему она не идет работать в музей. Светлана ответила, что ей предлагали, но она поставила условие: оставить ей возможность вести с детьми уроки по искусству. Условие не приняли.